

— Что еще за жест?

— Ах, это означает, что я люблю тебя настолько, что с радостью готова убить в любую минуту.

— Сумасшедшая сука.

Через какое-то время Орсини едва мог сдержать свои слова.

— Я не знаю, что за безумие с тобой произошло, но ты явно не в своем уме. Ты не та Канна Эдис, которую знают.

— Да, так и есть.

Пожалуйста, Орсини, оставь меня.

Канна продолжала жестикулировать средним пальцем, но Орсини так и не ушел.

Только через некоторое время он снова заговорил.

— Чёрт.

Что опять?

— Прошу, выживи.

— ...

— Чёрт, проси пощады, спасайся. Если не получится, я спасу тебя.

В это мгновение Канна чуть не рассмеялась.

— Ты спасешь меня? Меня? Ты?

Возникло новое предложение, которое даже не могла предположить.

‘Довольно интригующе’.

Из всего, что случилось с ней за последнее время, такого она точно не ожидала.

Ничто ее не удивляло, но лишь до того, пока Амелия не умерла, пока ее не посадили в тюрьму и не приговорили к смертной казни.

Но даже при таких обстоятельствах я еще больше удивилась, услышав предложение Орсини.

'Хм, может, еще раз поиздеваться ним?'

Канна снова взялась за дело, изобразив серьезное выражение лица.

— Как? Сможешь ли ты отменить смертную казнь?

— Нет, это невозможно, по крайней мере, пока не придет наш отец, но до тех пор я только могу устроить побег и спрятать где-нибудь в другом месте.

— ...

— Конечно, если твой отец сделает вид, что не знает тебя, тебе придется всю жизнь прятаться.

Орсини громко засмеялся, представляя это забавным.

— Ни Канна Валентино, ни Канна Эдис больше не смогут существовать. С новым именем тебе придется скрываться как тень.

Его ярко-зеленые глаза пылали при лунном свете. Почему-то это, казалось, больше подходило для него.

— Не волнуйся, мы предоставим тебе место, где можно спрятаться. Ты будешь обязана поклясться самой себе и нам, что тебе придется жить как раб до самой смерти.

Он подходил ближе, схватив решетку обеими руками.

Глаза блестели, получая удовольствие от такой судьбы; в них виднелось насилие.

— Или тебя лучше повесят, словно собаку, словно мерзкую грязь.

Канна подняла глаза, посмотрела на него и немного прошептала.

— Ради твоей помощи, что я могу сделать и как мне это сделать?

Затем Орсини хихикнул и просунул ногу в небольшое пространство между железными прутьями.

— Поцелуй мою ногу. Стань моим рабом. Стань рабыней.

Ха!

— ...

Тишина окутала камеру.

Может, это из-за того, что действия Канны показались слишком быстрыми, или из-за того, что ее поведение отличалось от прежнего?

Орсини не сразу осознал случившееся. Канна плюнула ему на обувь, сказав.

— Получи, мудака.

Она вытерла губы и снова облокотилась на стену.

Она бы еще с ним поиграла, но усталость брала над ней верх.

— Это...

Даже в темноте она ощущала, как его лицо пылало огнем.

А решетка, которую он держал, задрожала. Зеленые глаза яростно горели.

Нужно убивать сразу или же вас сгрызут, не оставив ни единой косточки.

Неужели он сломает решетку и войдет? Тогда пришла даже такая мысль.

— Ха-ха-ха-ха!

Орсини вдруг рассмеялся.

Он покачал головой, обхватив ее рукой. Он разжал губы, и смех вырвался наружу.

... Он действительно пришел в ярость, потому что все-таки до этого разозлился?

— Какая драма. Хаха...

Затем брат потянулся к решетке.

Он сразу же схватил Канну за плечи и приблизил к себе. Боль пришла, когда я ударилась о металлические прутья.

— Я могу убить тебя прямо сейчас.

Он зарычал, плотно прижавшись к моему лицу. Я ощущала свирепое дыхание, будто зверя.

'Знаешь? Моя никчемная жизнь, если сейчас поддамся тебе, рухнет! '

Больно.

Плечи, шея и лоб пульсировали, ибо меня ударили о решетку.

Но больше всего на свете.

— Отойди. У тебя очень неприятное дыхание.

Я не могу дышать, разве это не пытка? Даже если бы мне угрожал Сон Хон, я бы все равно не выдержала.

— Ладно.

Орсини, глядя на нее, словно собираясь убить, сжал ей руку.

— Ты бы предпочла выбрать смерть?

— Угу.

— ..

— Так что уходи.

Орсини прикусил губу.

Он медленно выпрямлял согнутые ноги и поднялся. Он сплюнул, осознав происходящее.

— Двуглавая овца. Делай, что хочешь. Я не знаю, умрешь ты или нет.

— ...

— Твоя смерть настолько же грязная, как и ты. Отвратительно!

Бац!

Он пнул стену, будто не выдержал гнева.

Он потряс плечами и тяжело вздохнул, затем повернулся спиной. Он вышел из тюрьмы, не оглянувшись на пристальный взгляд Канны.

'Наконец-то ушел. Бесит'.

Канна, оставшаяся в одиночестве, сомкнула глаза, устроившись поудобнее. Слова, оставленные Орсини, крутились в ее голове.

Это называется грязной смертью. Что он сказал недавно?

Никому нет дела до меня. Ты сказал, что никто не станет меня защищать?

'Нет, не так'.

На лице Канны засияла улыбка.

'Я очень забочусь о себе'.

Разве я не имею право просто защитить себя? Канна смотрела в окно.

Вскоре на рассвете взойдет утреннее солнце. Это значит.

'Скоро начнется'.

Все удивятся.

'Надо поспать. Тем более, что императрица наверняка почти легла'.

Канна зевнула и закрыла глаза.

Вздохнув, она заснула. Оставалось только ждать.

— Что?

Бах!

Рука императрицы, которая пила чай рано утром, застыла.

— Что за чушь!

Драгоценная керамическая чашка, привезенная с востока, разбилась. Но она этого даже не заметила.

— Что ты сказала сейчас?

Служанка дрожала. Она выглядела бледной, словно увидела приведение.

— Это, это

— Я спросила, что за слова сейчас ты произнесла.

— Ох, принцесса Амелия ...

Служанка тяжело вздохнула.

Дело не в том, что она чуть не задышалась, потому что ее напугала императрица. А лишь потому, что служанка стала свидетельнице нечто поразительного и шокирующего.

— Ваше величество, Амелия жива!

Тело принцессы поместили в гроб, усыпанный лилиями.

Завтра должен был приехать священник, согласившийся упокоить душу принцессы. Но

послание отменили.

Потому что принцесса встала из гроба.

— Ох, я видела! Не только я, но и другие слуги тоже!

— ...

— Лекари пришли и тоже увидели, что произошло. Сказали, что пульс восстановился. К тому же принцесса на вид была совершенно здоровой...!

— Как можно ошибиться в смерти, не услышать сердцебиения?

— Да, но, наблюдая то, как она уверенно передвигается, лекари сказали, что они тогда ошиблись.

Губы императрицы широко открылись.

Никаких слов не последовало, словно ей вырвали язык по самый корень.

— Этого не может быть.

— О, прошу прощения, ваше величество... Его величество император тоже подтвердил, что Амелия жива.

— ... Как такое может быть.

Ее сухой язык не мог связать и пару слов.

Нет, это ложь.

Не может быть. Такого не могло случиться...

— Ты лжешь? Принцесса не может выжить!

И тогда.

Дверь со стуком распахнулась.

И девушка элегантно вошла.

Лицо императрицы, когда она встретила глазами с ее, застыло как лед.

Кончик пальца слегка подергивался. В одно мгновение все ее тело покрылось холодным потом.

Амелия Исаберг вежливо поздоровалась, поклонившись императрице в ответ.

— Ваше величество, как вы поживаете?

Она приподняла голову. И на лице нарисовалась улыбка. Легкий смешок.

— Прошу прощения за беспокойство.

Губы императрицы продолжали дрожать.

Это принцесса.

Перед ней стояла принцесса. Амелия Исаберг. Больная и некрасивая дочь.

Ее ошибка. Ее неудача. Позор семьи. Их тревога.

Ее дочь, ее,ее...

Дочь, которая должна умереть.

— Как ты.....?

Горло императрицы как будто схватили, раздался хриплый голос. Затем Амелия улыбнулась.

— Почему? Вы не счастливы, что я вернулась живой?

— Что ты такое говоришь!

— Тогда, пожалуйста, порадитесь, ваше величество.

Амелия засмеялась. Императрица тоже засмеялась.

Плотные и застывшие губы натягивали улыбку. Казалось, это вовсе не смех.

Да, императрица никак не могла рассмеяться!

‘У нее не было ни единого шанса вернуться живой’.

Потому что она убила ее собственными руками.

<http://tl.rulate.ru/book/46467/1127116>